

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.221.232>

ЗУБЫ ОЛЕНЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД УКРАШЕНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ - ЛЕСОСТЕПИ

©2023 г. А.М. Скоробогатов

В статье рассматриваются зубы оленя (благородного) и их реплики со сквозными отверстиями, по наличию которых эти изделия можно отнести к категории украшений в погребальных комплексах икладах. Географически привлекаемые источники охватывают территории от Днепро-Днестровского междуречья до Поволжья в рамках степной и лесостепной зон и Предкавказья, хронологический интервал включает в себя эпохи неолита и энеолита (VI–IV тыс. до н.э.). Появляясь исключительно как «охотничий» элемент украшения погребального костюма в могилах неолитической эпохи, в энеолите такие находки стали сопровождать индивидов с престижными наборами погребального инвентаря, подчеркивая особый социальный статус их владельца. Наличие обработанных зубов оленя и их реплик вкладах с территории земледельческого ареала к западу от Днепра также указывает на особую роль этих изделий. Прослеживается тенденция распространения костяных реплик – копий украшений из оригинальных зубов оленя в энеолите, что можно связать как с развитием производящего хозяйства и ослаблением роли охоты и последовавшей определенной нехваткой сырья, так и со сменой ценностных ориентиров, реализовавшихся в погребальной практике. В эпоху бронзы данная категория изделий практически полностью исчезает на всей рассматриваемой территории.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, неолит, энеолит, могильник, погребение, клад, обряд, украшение, зуб оленя, охота.

DEER TEETH AS A SPECIAL TYPE OF ADORNMENTS IN NEOLITHIC – ENEOLITHIC BURIAL COMPLEXES OF THE EAST EUROPEAN STEPPE – FOREST-STEPPE

А.М. Skorobogatov

The paper considers the red deer teeth and their replicas with through holes, according to the presence of which these items can be classified as adornments in burial complexes and hoards. Geographically applied sources cover the territories from the Dnieper–Dniester interfluvium to the Volga region within the boundaries of the steppe and forest-steppe zones and the Caucasus. The chronological interval includes the Neolithic and the Eneolithic periods (VI–IV millennium BC). Deer teeth appeared as a "hunting" decoration detail of the burial costume in the burials of the Neolithic. During the Eneolithic these finds began to accompany buried individuals with prestigious sets of burial goods, emphasizing the special social status of their owner. The presence of deer teeth with holes and their replicas in the hoards from the agricultural area to the west of the Dnieper also indicates the special role of these findings. There is a tendency of spreading bone replicas – copies of adornments from the original deer teeth in the Eneolithic. This can be connected with the development of the producing economy, weakening of the role of hunting, shortage of raw materials, and also with the change of value orientations realized in burial practice. In the Bronze Age adornments, made of deer teeth, almost completely disappear throughout the territory under consideration.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, Neolithic, Eneolithic, burial ground, burial, hoard, rite, adornment, red deer tooth, hunting.

Олень благородный (лат. *Cervus Elaphus* L.) как вид известен с раннего плейстоцена, обитает в таежных, широколиственных и горных лесах Евразии, Северной Африки и Северной Америки, придерживается разреженных участков с густым подлеском, речных долин, в пустыне – тугаев по берегам рек, в горах летом поднимается до альпийского пояса. Достигает массы до 300 кг. Олень является ценной охотничьей добычей (классический объект трофейной охоты), из добытой особи используется практически все:

мясо, шкура, кости и рога (Журавлев, 2001, с. 48–49).

В археологической русскоязычной литературе рассматриваемые нами в работе изделия именовались «недоразвитыми зубами оленя» (Телегин, 1991, с. 16), «молочными зубами благородного оленя» (Дергачев, 1998, с. 44), «подвески из недоразвитых зубов благородного оленя» (Ларина, Дергачев, 2003, с. 100), «атрофированными клыками благородного оленя» или «редуцированными клыками оленя» (Житенев, 2007, с. 43–44).

При обращении к специальной зоологической литературе для нас важна следующая информация. По функции и форме зубы европейского и других подвидов благородного оленя дифференцируются на резцы, клыки и коренные; развившиеся после рождения молочные зубы через известный промежуток времени выпадают и заменяются постоянными. Окончательно сформированная зубная система у европейского оленя обоего пола состоит в верхней челюсти из одной пары клыков, трёх пар премоляров и трёх пар моляров; в нижней челюсти – трёх пар резцов, одной пары клыков, трёх пар премоляров и трёх пар моляров; число зубов у взрослого оленя строго постоянное и равняется 34. Специалисты, детально изучавшие его зубную систему, отмечают, что верхние постоянные клыки могут не развиваться. Эмаль коронки зуба чисто-белая, однако под влиянием растительных соков покрывается тёмным (бронзовым, коричневым, чёрным) налётом с металлическим блеском. Это касается резцов, нижних клыков и коренных зубов и в меньшей степени – верхних клыков. Последние в связи с потерей функции рудиментарны, не превышают высоты коренных зубов, имеют вид тупых штифтов. В течение жизни верхние клыки полностью не стираются, однако могут рано выпадать или вообще отсутствовать. Нижние присутствуют всегда. Молочные клыки верхней челюсти конусовидны и рудиментарны (Шостак, 1988, с. 8–10).

Таким образом, для изготовления украшений из зубов благородного оленя, начиная с эпохи верхнего палеолита, отбиралась лишь верхняя пара рудиментарных клыков. Они могли присутствовать как у самцов, так и самок, однако после выпадения молочных зубов пара клыков могла вообще не развиваться либо рано утрачиваться. Верхние клыки с

возрастом оленя изнашиваются, коронка зуба уменьшается в размере, и по этому показателю можно определить возраст особи (Vanhaeren, d'Errico, 2003, fig. 9).

В рамках нашей темы важно то, что верхние клыки отличаются от остальных зубов оленя сохранением белого цвета эмали, особой формой и редкостью, т. к. со временем имеются не у каждой особи. При минимальной обработке (сверление) такое изделие становится ярким и приметным украшением.

В географическом плане в рамках работы выделяются три основных региона по локализации материала: Волго-Донское междуречье, Прикубанье и Предкавказье, Приазовье и Крым; Поднепровье (с основным количеством находок); Северо-Западное Причерноморье (рис. 1).

Наиболее часто изделия из зубов оленя встречены в могильниках мариупольского типа (далее – ММТ), расположенных в Поднепровье (12 памятников), Поднепровье (Сакаровка I), Приазовье (Мариупольский), Северном Крыму (Долинский). В Волго-Донском междуречье (Съезжее, Екатериновский мыс, Максимовка I, Голубая Криница) такие находки пока не выявлены. В материалах могильника V Меллятамакский (Татарстан), обладающего некоторыми признаками мариупольской обрядности в погребальном инвентаре (резцы сурка, изделия из клыка кабана, пронизки из раковины, полая костяная трубочка), зубы с отверстиями принадлежали, по определению А.Г. Петренко, северному, а не благородному оленю (Казаков, 2011, с. 21).

Итак, для анализа нами были привлечены опубликованные данные из 14 грунтовых ММТ: Капуловский (Шапошникова, Бодянский, 1970), Никольский (Телегин, 1961, с. 24; Телегин, 1991), Ненасытецкий (Бодянский, 1951), Чаплинский (Добровольский, 1954), Мариупольский (Макаренко, 1933), Вовнигский I (левобережный) (Рудинский, 1956), Вовнигский II (правобережный) (Бодянский, Котова, 1994), Вильнянский (Телегин, 1991), Лысогорский (Бодянский, 1961; Телегин, 1991), Ясиноватое I (Телегин, 1991, с. 76), Ясиноватский (Телегин, 1991), Деревка I (Телегин, Жилыева 1964; Телегин, 1991), Мамай-гора (Toscev, 2005), Сакаровка I (Ларина, Дергачев, 2003). Для дальнейшей статистической обработки памятники Лысогорский и Ясиноватое I были исключены, т.

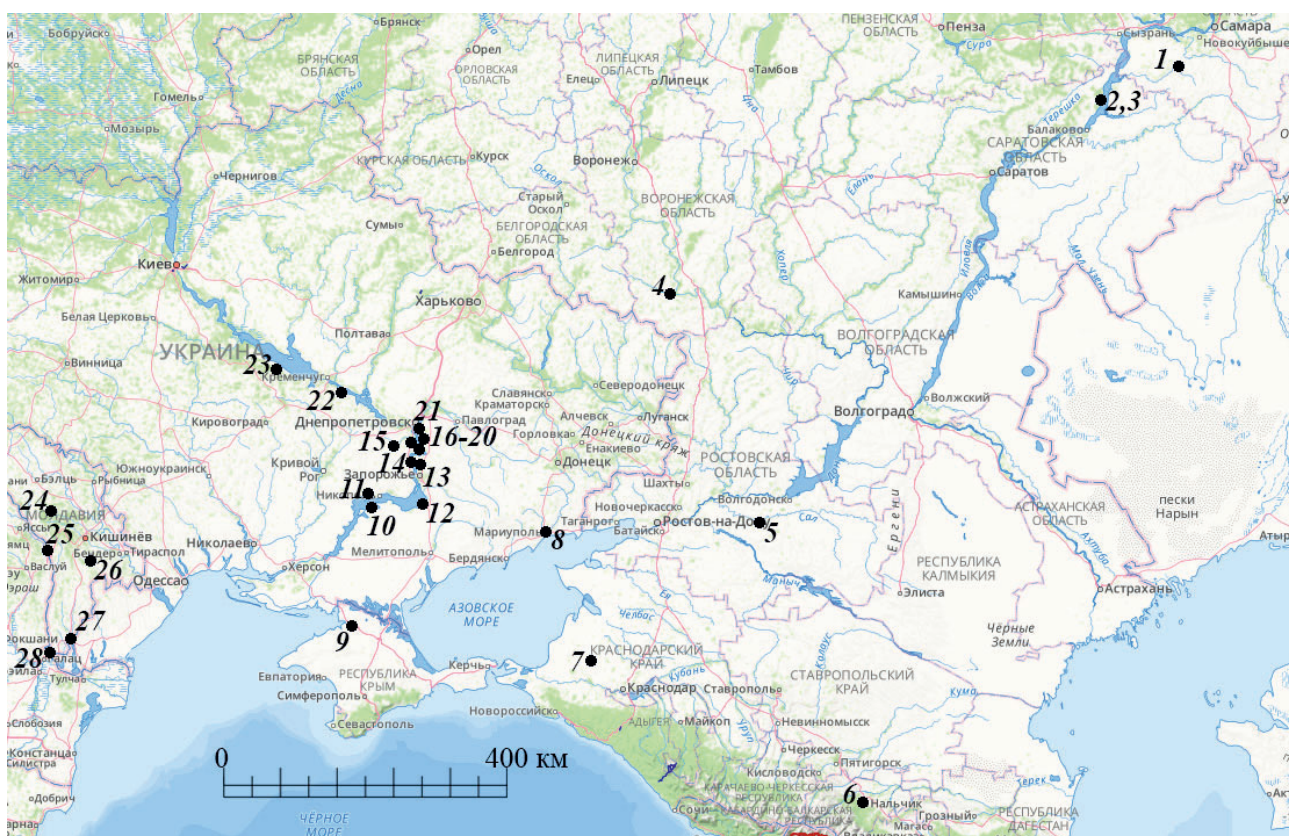

Рис. 1. Карта памятников, используемых в работе:

- 1 – Криволучье; 2,3 – Хвалынский I–II; 4 – курганный могильник Голубая Криница; 5 – КМ Новый; 6 – Нальчикский; 7 – Старонижестеблиевская; 8 – Мариупольский; 9 – Долинский; 10 – Мамай-гора; 11 – Капуловский; 12 – Лысогорский; 13 – Вильнянский; 14 – Виноградный; 15 – Никольский; 16–20 – Ясиноватое 1, Ясиноватский, Вовнигский I–II, Ненасытецкий; 21 – Чаплинский; 22 – Деревка 1; 23 – Молухов Бугор; 24 – Сакаровка I; 25 – Саратены; 26 – Карбунский клад; 27 – Болград; 28 – Джурджулешть.

Fig. 1. Map of sites, used in the publication:

- 1 – Krivoluchye; 2,3 – Khvalynskiy I–II; 4 – BF (barrow field) Golubaya Krinitsa; 5 – BF Noviy; 6 – Nalchik; 7 – Staronizhestebliyevskaya; 8 – Mariupol; 9 – Dolinskiy; 10 – Mamay-gora; 11 – Kapulovskiy; 12 – Lysogorskiy; 13 – Vil'nyanskiy; 14 – Vinogradniy; 15 – Nikolskiy; 16–20 – Yasinovatoye 1, Yasinovatskiy, Vovnigskiy I–II, Nenasytetskiy; 21 – Chaplinskiy; 22 – Dereivka 1; 23 – Molyukhov Bugor; 24 – Sakarovka I; 25 – Sarateny; 26 – Karbuna hoard; 27 – Bolgrad; 28 – Dzhurdzhulesht.

к. по ним отсутствовали сведения по отдельным конкретным погребениям. Учитывались следующие данные: количество погребений (общее и с зубами оленя), пол и возраст погребенных, их поза и ориентировка, наличие охры и углей в могилах, инвентарь, количество изделий из зубов оленя и их расположение на костяке.

Эпохальная принадлежность данных памятников – неолит – ранний энеолит. Общие особенности: грунтовый коллективный тип могильника, с расположением костяков вытянуто на спине, с широтной либо меридианальной ориентировкой. Погребальные ямы – коллективные или индивидуальные. Охра при костяках с зубами оленя не отмечена только в

могильниках Деревка 1 и Капуловка.

В процентном соотношении встречаемость индивидов с обработанными зубами оленя от общего числа погребенных составила около 70% в Мамай-Горе, 28–33% в могильниках Ненасытецкий и Вильнянка, 13% в Сакаровка I, 8–10% в Вовнигских I–II, Капуловском, Мариупольском и Ясиноватском, 3–5% в Чаплинском и Деревка 1, менее 1% в могильнике Никольский.

К сожалению, профессиональных антропологических определений для индивидов с интересующим нас инвентарем в ММТ немного. Так, для могильника Мамай-Гора из 13 определяемых индивидов только один женский, 6 детей и 6 мужчин; в Вильнянском

для 14 определений один женский, 5 детских и 8 мужских; в Ясиноватском в двух случаях мужчины и в двух – дети; в Вовнигский II двое мужчин; Сакаровка I – двое мужчин и ребенок.

Не для всех памятников авторы публикаций указывают место расположения изделий на индивидах (данные 62 костяков из 10 могильников). Зубы оленя распределены следующим образом: на черепе у 19 человек; на туловище у 17; на конечностях (как правило, ступни) у 8; на черепе и туловище 8; у единичных индивидов на шее (1), на черепе и шее (1), на черепе, шее и туловище (1), на черепе и конечностях (2), на черепе, туловище и конечностях (2), на туловище и конечностях (3).

По количеству изделий при одном индивидуе встречено: 1 экз. – у 20 индивидов; 2 экз. – 7 инд.; 3 экз. – 10 инд.; 4–11 экз. – от 1 до 4 инд.; 15 экз. – 3 инд.; 18, 20, 22, 29, 31, 37, 38, 42, 48, 55, 66, 74 экз. – по одному индивиду. Однако эти значения нельзя считать абсолютными, т. к. в некоторых случаях интересные находки располагались не при костяках, а в засыпке могильной ямы, и в статистике нами не учитывались.

Всего в одном могильнике инвентарь состоял только из зубов оленя (Капуловский). В четырех памятниках (Никольский, Ненайтецкий, Чаплинский, Сакаровка) зубы оленя встречены в одной могиле совместно с другими категориями инвентаря (раковинные и каменные бусы, зубы рыбы, орудия и отходы их производства из кремня). В остальных памятниках от одного до трех индивидов сопровождалась только зубами оленя на общем разнообразном фоне сопутствующего инвентаря могильника, включая и просверленные зубы оленя (изделия из клыков кабана, морские раковины, украшения из камня и кости и проч.).

Могильники мариупольского типа сменяются индивидуальными и коллективными погребениями хвалынского-среднестоговской обрядности при смене вытянутой на спине позе костяка на скорченную на спине.

В Поволжье это время знаменуется функционированием Хвалынских I и II могильников, в которых исследовано около 300 погребений (Агапов и др., 1990; Хвалынские..., 2010). Из всего массива погребений только при трех индивидах встречены интересные находки. В Первом могильнике это

детское погребение № 75 с раковинными бусами (Агапов и др., 1990, с. 35), во Втором – два детских погребения возрастом менее года № 8 и № 14 с костями лошади, керамикой, медной бусиной и раковинами (Хвалынские..., 2010, с. 370–371, 400, 199, 205, 260, 379). Если в первом случае (погребение № 75) все три зуба оленя оригинальные, то в остальных (5 и 3 ед.) – реплики, изготовленные из длинных трубчатых костей млекопитающих. Сами изделия-имитации оленьих клыков в этих могильниках трех групп плоские, выпуклые с одной стороны и двояковыпуклые (Кириллова, 2010, с. 370).

В Среднем Поволжье известны материалы разрушенного погребения из Криволучья, где были собраны каменный топор-клевец, изделия из кремня, каменный и костяной браслет, раковинные бусы, пронизки, подвески и интересные нас шесть клыков оленя (Гольмстен, 1933; Васильев, 1981, с. 26–27).

Хвалынским могильникам синхронны ранние погребения из Нальчикского могильника, где из 54 энеолитических захоронений при четырех костяках (№ 4, 8, 53, 86) среди разнообразного инвентаря встречены оригинальные клыки оленя и их имитации в количестве от 3 до 16 экземпляров (Круглов и др., 1940; Корневский, 2012). Также следует отметить погребение 13 могильника Старонижестеблиевская в Прикубанье. Из пяти ранних захоронений одно сопровождали, помимо костяных и раковинных бус, кремневой пластины, пластин из клыка кабана, девять клыков оленя с отверстиями (Шаталин, Резепкин, 2003). Вопрос о курганном или грунтовым характере раннего комплекса памятника остается открытым.

На Среднем и Нижнем Дону в нашей подборке имеется два погребальных подкурганых энеолитических комплекса. В кургане у хут. Голубая Криница в разрушенном погребении 10 и погребении 5 обнаружены кремневые изделия, металлические пронизки и энеолитический сосуд с примесью раковины, а в заполнении катакомбного погребения 9 выявлены аналогичные кремневые находки и три зуба оленя, которые также связываются с ранним комплексом (Скоробогатов и др., 2021). В.В. Килейников провел трасологический анализ этих вещей. Отдельная публикация результатов трасологической оценки изделий В.В. Килейниковым только готовит-

ся, поэтому здесь коротко отметим основные результаты его наблюдений. Вся поверхность зубов оленя покрыта заполировкой и разнонаправленными линейными следами. На зубной коронке они возникли прежде всего от потребления животным пищи, однако подобные фиксируемые признаки на корневой части зуба были связаны исключительно с бытовым использованием подвесок (рис. 2).

Ни Нижнем Дону Л.С. Ильюковым в могильнике Новый (курган 132) изучен кенотаф с выразительным инвентарем энеолитического облика (каменная плитка, каменные и раковинные бусы, металлические нож и шило, костяное острие, кремневые изделия, костяная пластинка), включая низку из 38 обработанных клыков оленя (Ильюков, 1994).

В Днепровском регионе для развитого и позднего энеолита находки в погребениях украшений из зубов оленя уже не так часты, как в предшествующее, мариупольское время. Так, в грунтовом могильнике Молухов Бугор в одном из четырех энеолитических погребений в районе шеи индивида находилось шесть обработанных клыков оленя (Нераденко, 2009). В двух из 26 грунтовых энеолитических погребений могильника на острове Виноградный также встречены интересующие нас артефакты. В детском погребении 16 у вытянутого на спине индивида на правом плече и в районе шеи обнаружены три костяные подвески – имитации зубов оленя (Рассамакин, 2018, с. 20, 25). При погребении взрослого индивида № 15, скорченного на спине, помимо украшения из просверленных клыков хищника у левого виска находился клык оленя, еще два изделия – имитации зубов оленя – выявлены вдоль правой плечевой кости совместно с тремя костяными пронизками, еще одна реплика находилась возле кисти левой руки. На груди погребенного располагался роговой просверленный клевец (Рассамакин, 2018, с. 28–29).

В Северо-Западном Причерноморье одна находка клыка оленя встречена в подкурганном комплексе у г. Болград (к. 1, п. 9) при вытянутом на спине индивиде (Рассамакин, 2004, с. 62). Одиннадцать изделий – имитаций зубов оленя – находились на ногах индивида, погребенного в позе скорченного на левом боку под курганом у с. Саратены. На запястьях рук располагались браслеты из мелких костяных бус, выше черепа – золотая подвеска (Расса-

макин, 2004, с. 135). Далее на юго-запад и юг традиция сопровождать погребенных индивидов клыками оленя с отверстиями отмечена в материалах известных могильников Джурджулешть на территории Румынии (Корневский, 2012, рис. 55–56) и Дуранкулак на территории Болгарии (Todorova, 2002). Эти памятники уже выходят за границы анализируемой территории, однако отметим, что интересующие нас находки встречены в могилах мужчин и детей. По данным Х. Тодоровой (Todorova, 2002, р. 11), в могильнике Дуранкулак обнаружено 183 клыка оленя в 18 погребениях из исследованных 1203.

О важной роли и значимости обработанных клыков оленя в эпоху энеолита говорит факт их нахождения вкладах с территории земледельческого ареала Триполье-Кукутень. Так, в недавней сводке В.А. Дергачева из 18 анализируемых им кладов в четырех, помимо медных топоров и украшений из металла, кости и минералов, встречены оригиналы и реплики просверленных зубов оленя (Дергачев, Парнов, 2022, рис. 21). Самый известный в русскоязычной литературе трипольский клад – с поселения Карбуна – состоял из 853 предметов: 444 медных, 26 из мрамора и камня, 127 из кости (включая 112 зубов оленя и 12 их имитаций), 254 морских раковин и двух керамических сосудов (Энеолит СССР, 1982, с. 278–279; Дергачев, 1998). По мнению И. Манзуры, энеолитические клады представляют собой особую символическую систему или код, которые в зашифрованной форме должны были содержать информацию о важнейших социальных и мировоззренческих ценностях общества (Manzura, 2005, р. 320). В целом традиция использования зубов оленя с отверстиями практиковалась ранними земледельцами и в позднем Триполье (Дергачев, 2022, с. 32, 54, 250, 294, 302 и др.), включая и их имитации (там же, с. 297).

По локализации клыков оленя в погребениях неолита – энеолита можно сделать вывод, что самое вероятное их использование заключалось в украшении одежды, обуви и головных уборов, а также при изготовлении «ожерелий». Существуют реконструкции погребальной одежды и головных уборов (включающих артефакты из зубов оленя) для некоторых индивидов из ММТ (Котова, Тубольцев, 1999; Kotova, 2010).

Для ММТ зубы оленя встречены в памят-

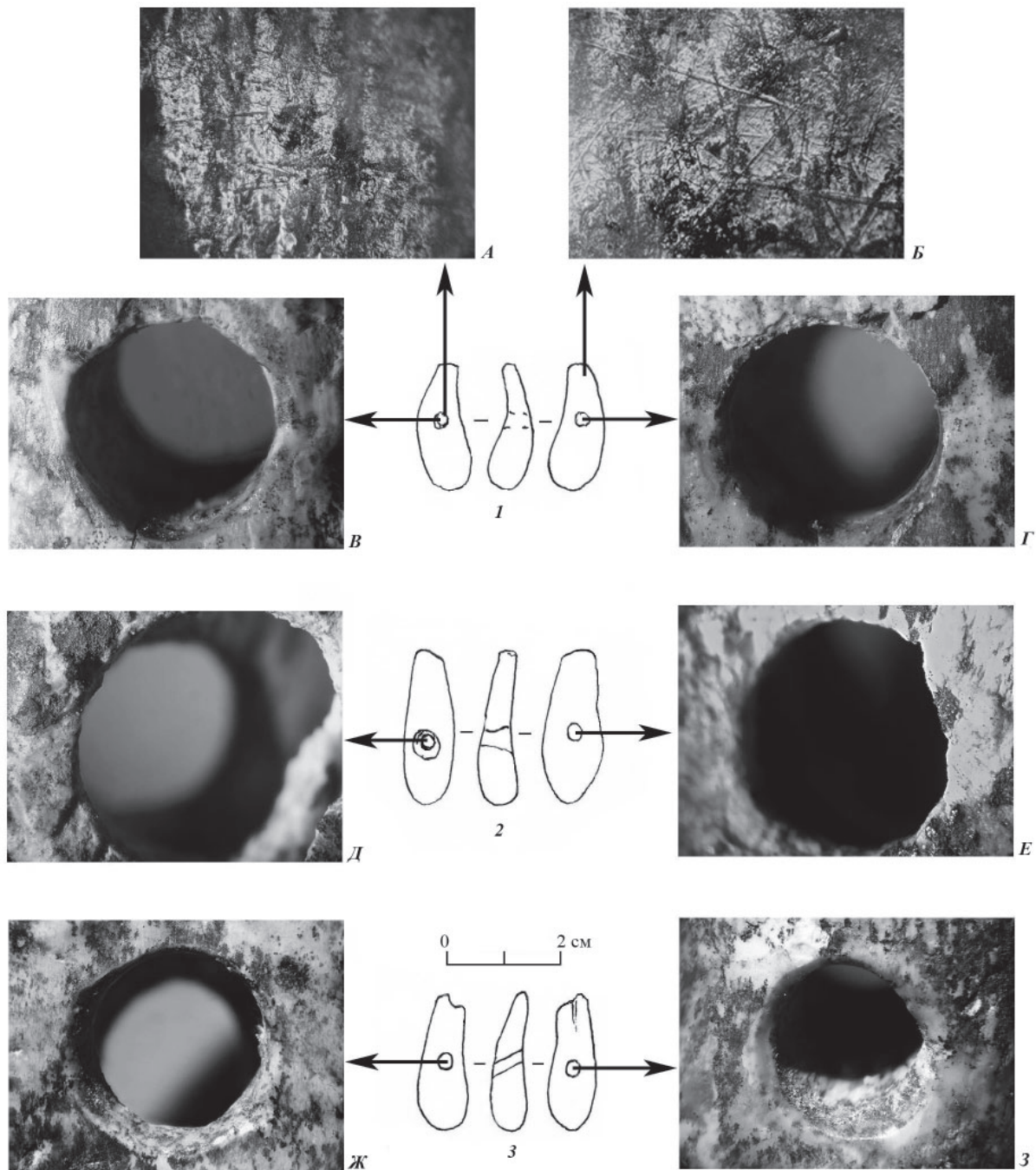

Рис. 2. Курганный могильник Голубая Криница. Микрофотографии подвесок из зубов оленя.

1–3 – вид подвесок (рисунок); А – микрофото прилегающего к отверстию участка выпуклой поверхности подвески 1; Б – микрофото корневой части вогнутой поверхности подвески 1; В–Г – микрофото отверстия подвески 1; Д–Е – микрофото отверстия подвески 2; Ж–З – микрофото отверстия подвески 3.

Увеличение: А–Б $\times 200$, В–З $\times 28$. Фото и прорисовки выполнены В.В. Килейниковым.

Fig. 2. Barrow field Golubaya Krinitsa. Micrographs of pendants, made of deer teeth. 1–3 – type of pendants (image); А – micrograph of the convex surface of the pendant 1 adjacent to the hole; Б – micrograph of the basic part of the concave surface of pendant 1; В–Г – micro-photo of suspension hole 1; Д–Е – micro-graph of pendant hole 2; Ж–З – micro-photo of pendant hole 3. Magnification: А–Б $\times 200$, В–З $\times 28$. Photos and drawings were made by V.V. Kileynikov.

никах всех трех периодов существования некрополей, по периодизации Д.Я. Телегина (Телегин, 1991, рис. 12). Однако в самых ранних погребальных комплексах – Васильев-

ка 2 и Марьевка (Телегин, 2004, табл. 1) – эти находки не встречены (Телегин, 1991, табл. 1). Имеющиеся даты из могильников, полученные непосредственно по оленьим клыкам,

укладываются в период от второй половины VI тыс. до н. э. до начала второй четверти V тыс. до н. э. по калиброванной радиоуглеродной шкале (Kotova, 2018, tab. 1, 4), что соответствует развитому/позднему неолиту – раннему энеолиту для рассматриваемого нами региона. Можно считать этот период временем наибольшего расцвета традиции использования украшений из клыков оленя. Интересно то, что как раз с появлением в комплексах первых металлических изделий (Хвалынский могильник, Карбунский клад) распространяются и костяные реплики – имитации оленьих клыков. Судя по имеющимся публикациям, впервые костяная копия встречена совместно с оригинальными зубами оленя в Вильнянском могильнике (Телегин, 1991, рис. 23: 17; рис. 31).

В эпоху ранней – средней бронзы традиция использования зубов оленя в погребальной практике на рассматриваемой нами территории еще встречается, но очень редко и в небольших количествах (Гей, 2000, с. 143–144; Эрлих и др., 2022, рис. 4–5; Иванова, 2021, с. 148), либо вообще исчезает (Синюк, 1996; Васильев и др., 2000; Братченко, 2001; Моргунова, 2014; Файферт, 2014).

В заключение обзора скажем несколько слов относительно эстетики и символики украшений из зубов оленя. До современного исследователя данные артефакты доходят не в лучшем виде – эмаль клыков либо пожелтевшая, либо вообще сильно потемневшая, утратившая характерный блеск («жемчужность») и привлекательность. Однако увидеть истинную красоту изделий, инкрустированных зубами оленя, можно в каталоге личных украшений королевы Виктории (Gere, 2012, fig. 30, 34). А поисковые системы при запросе слова «Grandeln» (нем.) предлагают множество современных и антикварных вариантов украшений, включающих клыки благородного оленя.

Относительно возможного символизма образа оленя в погребальной практике древнего населения приведем цитату Е.В. Орла: «Благодаря сочетанию силы, красоты и грации олень занимал важное место в древних мировых культурах... Благодаря способности сбрасывать и обретать рога олень был символом возрождения, омоложения, жизни и времени»

(Орел, 2013, с. 204). Если смотреть на инвентарь погребений с утилитарной позиции, то можно предположить, что зубы оленя сопровождали наиболее удачных и мастеровитых охотников либо их детей (по крайней мере в коллективных могильниках мариупольского типа).

Подводя итоги, отметим, что для анализа нами использовались материалы около 500 погребальных комплексов неолита – энеолита (от коллективных могильников до индивидуальных подкурганых погребений). Украшения из зубов оленя встречены лишь в 30 из них (включая клад).

Зубы оленя встречены как в «рядовых», ничем не выделяющихся по обряду погребениях, так и в погребениях с «престижным» инвентарем (в комплексе с металлическими изделиями, украшениями из кости, раковины, камня). Зубы оленя, за редким исключением, сопровождают мужские и детские погребения. Нехватка зубов оленя как источника для изготовления украшений отмечается с раннего энеолита, когда в кладах и погребениях начинают использоваться костяные реплики, имитирующие оригинал. Сами изделия являются надежным источником абсолютного датирования (AMS-метод). Украшения из зубов оленя, безусловно, являются предметами, наделенными определенным символическим и социальным значением.

Таким образом, украшения из клыков оленя являются редким видом погребального инвентаря. От времени могильников мариупольского типа ко времени комплексов хвалынского-среднепозднего неолита прослеживается уменьшение использования данных изделий в похоронной практике. Разумеется, это связано не только с изменением в мировоззрении и ритуальных установках, но и с переходом к производящему хозяйству и уменьшению роли охоты, появлению и распространению металлических украшений. Для нашей территории это смена одной, неолитической традиции в погребальной обрядности на новую, энеолитическую. Поздние ММТ (Мариупольский, Никольский, Голубая Криница, Съезжее, Екатериновский мыс) можно рассматривать при этом как промежуточную, переходную фазу.

Благодарности:

Автор выражает благодарность В.В. Килейникову за возможность использовать неопубликованные данные трасологической оценки материала.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 160 с.

Бодянский О.В. Неолітичний могильник біля Ненаситецького порога // Археологія. 1951. Т. V. С. 163–172.

Бодянский А.В. Лысогорский неолитический могильник // КСИА АН УССР. Вып. 11 / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: ИА АН УССР, 1961. С. 32–37.

Бодянский А.В., Котова Н.С. Вовнигский 2 позднеэнеолитический могильник // Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) / Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Вип. 1 Луцьк: Вежа. 1994. С. 98–110.

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 196 с.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1981. 129 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 6–64.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // СГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.

Дергачев В.А. Кэрбунский клад. Кишинев: Tipografia Academiei de Ştiinţe, 1998. 120 с.

Дергачев В.А. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинев: СЕР USM, 2022. 676 с.

Дергачев В., Парнов В. Кондрицкий клад. Кишинев, Бутучень: Центральная типография, 2022. 74 с.

Добровольский А.В. Могильник в с. Чапли // Археологія. 1954. IX. С. 106–118.

Журавлев О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: ИА НАНУ. 2001. 200 с.

Житенев В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Ред. Е.В. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.

Иванова С.В. История населения Северо-Западного Причерноморья в IV–III тыс. до н.э. Житомир: ТОВ «Видавничий дім “Бук-Друк”», 2021. 424 с.

Илюков Л.С. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // Донские древности. Вып. 2 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 37–47.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.

Кириллова И.В. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалынского энеолитического могильника и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 359–378.

Корневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.

Котова Н.С., Тубольцев О.В. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // РА. 1999. № 3. С. 22–34.

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г. Нальчике // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА. № 3. / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.;Л.: АН СССР, 1941. С. 67–135.

Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / сост. А.В. Файферт. Ростов-на-Дону, 2014. 500 с. -

Ларина О.В., Дергачев В.А. Могильник мариупольского типа в Молдавии // РА. 2003. № 2. С. 92–103.

Макаренко М. Маріупільський могильник. Київ: Всеукраїнська Академія наук. 1933. 210 с.

- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
- Нераденко Т.М.* Могильник Молюхів Бугор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2009. Вип. 9. С. 91–97.
- Орел В.Е.* Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 592 с.
- Рассамакин Ю.Я.* Азово-Понтийские степи в эпоху меди. Погребальные памятники середины V – конца IV тыс. до н.э. Часть II. Каталог. Таблицы / Archäologie in Eurasien. Band 17. Mainz: von Zabern. 2004. 278 s. 546 taf.
- Рассамакин Ю.Я.* Грунтовий могильник на о. Виноградному: сучасний стан вивчення // Археологія. 2018. № 1. С. 18–36.
- Рудинський М.Я.* Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VI / Від. Ред. С.М. Бібіков. Київ: Академії наук Української РСР, 1956. С. 151–161.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ. 1996. 350 с.
- Скоробогатов А.М., Березуцкий В.Д., Васильев С.В., Курбанова Ф.Г., Пузанова Т.А., Трегуб Т.Ф.* Курган эпохи энеолита на юге Воронежской области // КСИА. 2021. № 264. С. 75–89.
- Телегин Д.Я.* Никольский могильник эпохи неолита – меди в Надпорожье: предварительное сообщение // КСИА АН УССР. Вып. 11 / Отв. ред. С.Н. Бибикив. Киев: ИА АН УССР, 1961. С. 20–27.
- Телегин Д.Я.* Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.
- Телегин Д. Я.* О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-Запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН. 2004. С. 106–121.
- Телегин Д.Я., Жилыева С.И.* Деревський неолітичний могильник // Археологія. 1964. № 16. С. 144–171.
- Хвальинские энеолитические могильники и хвальинская энеолитическая культура. Исследования материалов / сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. 584 с.
- Шапошникова О.Г., Бодянский О.В.* Капулівський энеолітичний могильник на Нижньому Дніпрі // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 112–118.
- Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д.* Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // Stratum Plus. 2001–2002. № 2. С. 447–457.
- Шостак С.В.* Определение возраста европейского благородного оленя. Научно-практическое пособие. Минск: Ураджай, 1988. 42 с.
- Энеолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. 359 с.
- Эрлих В.Р., Клещенко А.А. Гак Е.И., Годизов Г.Л.* Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 7–23.
- Gere C. «Victoria & Albert Love and art: Queen Victoria's personal jewellery». 2012. URL: [http://www.rct.uk/sites/default/files/VA%20Art%20and%20Love%20\(Gere\)_0.pdf](http://www.rct.uk/sites/default/files/VA%20Art%20and%20Love%20(Gere)_0.pdf) (дата обращения: 21.04.2023)
- Kotova N.* Burial clothing in Neolithic cemeteries of the Ukrainian steppe // Documenta Praehistorica. 2010. Vol. XXXVII. P. 167–177.
- Kotova N.S.* Revisiting the Neolithic chronology of the Dnieper steppe region with consideration of a reservoir effect for human skeletal material // Sprawozdania archeologiczne. 2018. (70). P. 47–66.
- Manzura I.* Steps to the steppe: Or, how the North Pontic region was colonized // Oxford Journal of Archaeology. 2005. № 24 (4). P. 313–338.
- Vanhaeren M., d'Errico F.* Le mobilier funéraire de la Dame de Saint-Germain-la-Rivière (Gironde) et l'origine paléolithique des inégalités (Grave goods associated to the Saint-Germain-la-Rivière burial and the Palaeolithic origin of social inequality) // PALEO. Revue d'archéologie préhistorique. 2003. № 15. P. 195–238.
- Todorova H.* (ed.). Die prähistorischen Gräberfelder (Durankulak II; 2 volumes). 2002. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut. 732 p.

Информация об авторе:

Скоробогатов Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество» (г. Воронеж, Россия); a.m.skorobogatov@mail.ru

REFERENCES

Agapov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsk Eneolithic Burial Ground)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Bodyanskii, A. V. 1951. In *Arkheologiya (Archaeology)* V, 163–172 (in Ukrainian).

Bodyanskii, A. V. 1961. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 11. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 32–37 (in Russian).

Bodyanskii, A. V., Kotova, N. S. 1994. In Kotova, N.S. *Mariupol'skaya kul'turno-istoricheskaya oblast' (Dnepro-Donskoe mezhdurech'e) (Mariupol cultural and historical area (Dnieper–Don interfluve))*. Series: *Arkheologichni pam'yatki ta istoriya starodavn'ogo naselennya Ukraini (Archaeological sites and history of the ancient population of Ukraine)*. Lutsk: “Vezha” Publ., 98–110 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 2001. *Donets'ka katakombna kul'tura rann'oho etapu (Donetsk catacomb culture of the early stage)*. Lugansk: “Shlyakh” Publ. (in Ukrainian).

Vasil'ev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ya: stepi i lesostep' (Eneolithic of the Volga basin: steppe and forest-steppe)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Turetskiy, M. A. 2000. In Kolev, Yu. I., Mamonov, A. E., Turetskii, M. A. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 6–64 (in Russian).

Gey, A. N. 2000. *Novotitorovskaya kul'tura (Novotitorovka culture)*. Moscow: “Staryi Sad” Publ. (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* (6), 46–48 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1998. *Kerbunskiy klad (Carbuna hoard)*. Kishinev: Tipografia Academiei de Ştiinţe (in Russian).

Dergachev, V. A. 2022. *Pozdnee Tripol'e – Maykop (s katalogom pogrebal'nykh kompleksov pozdnego Tripol'ya) (Late Tripolye – Maykop (with the catalogue of burial finds of the Late Tripolye communities))*. Kishinev: “СЕР USM” Publ. (in Russian).

Dergachev, V., Parnov, V. 2022. *Kondritskiy klad (The Conditca Hoard)*. Chişinău-Butuceni (in Russian).

Dobrovol'sky, A. V. 1954. In *Arkheologiya (Archaeology)* IX, 106–118 (in Russian).

Zhuravlev, O. P. 2001. *Osteologicheskie materialy iz pamyatnikov epokhi bronzy lesostepnoy zony Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya (Osteological materials from the Bronze Age sites of the forest-steppe zone in the Dnieper-Don interfluve)*. Kiev: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Zhitenev, V. S. 2007. In Leonova, E. V. (ed.). *Problemy arkheologii kamennogo veka (k yubileyu M.D. Gvozdover) (Issues of archaeology of the Stone Age (to the anniversary of M.D. Gvozdover))*. Moscow: “Dom evreyskoy knigi” Publ., 40–61 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2021. *Istoriya naseleniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v IV-III tys. do n.e. (History of the population of the North-Western Black Sea region in the IV–III millennium BC)*. Zhytomyr: “TOV “Vydavnychiy house” Buk-Druk” Publ. (in Russian).

Il'yukov, L. S. 1994. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: *Antiquities of the Don 2*. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 37–47 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: *Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga Region and the Urals Archaeology. Materials and Studies)* 1. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

Kirillova, I. V. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 359–378 (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2012. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Don'skogo mezhdurech'ya) (Emergence of kurgan: Burial monuments of the Eneolithic period in The Northern Caucasus and Volga – Don interfluvium)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Kotova, N. S., Tubol'tsev, O. V. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 22–34 (in Russian).

Kruglov, A. P., Piotrovskiy, B. B., Podgayetskiy, G. V. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii) (Materials on the archaeology of Kabardino-Balkaria)* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 67–135 (in Russian).

Fayfert, A. V. (comp.). 2014. *Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka Nizhnego Podon'ya (svod arkheologicheskikh istochnikov) (Barrows of the early Bronze Age in the Lower Don region (a collection of archaeological sources))*. Rostov-na-Donu (in Russian).

Larina, O. V., Dergachev, V. A. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 92–103 (in Russian).

Makarenko, M. 1933. *Mariyupil'skiy mogil'nik (The Mariupol burial ground)*. Kiev: All-Ukrainian Academy of Sciences (in Ukrainian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti (South Ural group of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural-historical area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Neradenko, T. M., 2009. In *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 9, 91–97 (in Ukrainian).

Orel, V. E. 2013. *Kul'tura, simvol'y i zhyvotnyy mir (Culture, symbols and wildlife)*. Kharkov: "Gumanitarnyi Tsentri" Publ. (in Russian).

Rassamakin, Yu. Ya. 2004. *Azovo-Pontyiskie stepi v epokhu medi. Pogrebal'nye pamyatniki serediny V – kontsa IV tys. do n.e. Chast' II. Katalog. Tablitsy (Azov–Pontic steppes in the Eneolithic. Burial sites of the middle of the V – the end of the IV millennium BC. Part II. Catalog. Tables)*. Series: Archäologie in Eurasien. Band 17. Mainz: von Zabern (in Russian).

Rassamakin, Yu. Ya. 2018. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 18–36 (in Ukrainian).

Rudyn'sky, M. Ya. 1956. In Bibikov, S. M. (ed.). *Arkheologichni pam'yatki URSS (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)*. Vol. VI. Kiev: Academy of Sciences URSS, 151–161 (in Ukrainian).

Sinyuk, A. T. 1996. *Bronzovyy vek basseyne Dona (Bronze Age of the Don basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Berezutsky, V. D., Vasil'ev, S. V., Kurbanova, F. G., Puzanova, T. A., Tregub, T. F. 2021. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 75–89 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1961. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN URSS (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 11. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 20–27 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1991. *Neoliticheskie mogil'niki mariupol'skogo tipa (Neolithic Mariupol type burial grounds)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Telegin, D. Ya. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii (khronologiya neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiya regionov, vzaimodeystviya neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoy i Sredney Evrope) (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia (chronology of the Neolithic, peculiarities of cultures and Neolithization of regions, relationship of Neolithic cultures in Eastern and Central Europe))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 106–121 (in Russian).

Telegin, D. Ya., Zhilyaeva, S. I. 1964. In *Arkheologiya (Archaeology)* 16, 144–171 (in Ukrainian).

Agapov, S. A. (ed.). 2020. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ. (in Russian).

Shaposhnikova, O. G., Bodyan'sky, O. V. 1970. In *Arkheologiya (Archaeology)* XXIV, 112–118 (in Ukrainian).

Shatalin, Yu. A., Rezepkin, A. D. 2001–2002. In *Stratum Plus*. (2), 447–457 (in Russian).

Shostak, S. V. 1988. *Opredelenie vozrasta evropeyskogo blagorodnogo olenya (Determination of the age of the European red deer)*. Minsk: “Uradzhai” Publ. (in Russian).

Masson, V. M., Merpert, N. Ya. (eds.). 1982. *Eneolit SSSR (Eneolithic of the USSR)*. Series: *Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Erlikh, V. R., Kleshchenko, A. A., Gak, E. I., Godizov, G. L. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 7–23 (in Russian).

Gere, C. 2012. «*Victoria & Albert Love and art: Queen Victoria's personal jewellery*». 2012. Available at: [http://www.rct.uk/sites/default/files/VA%20Art%20and%20Love%20\(Gere\)_0.pdf](http://www.rct.uk/sites/default/files/VA%20Art%20and%20Love%20(Gere)_0.pdf) (accessed: 21.04.2023).

Kotova, N. 2010. In *Documenta Praehistorica* Vol. XXXVII., 167–177.

Kotova, N.S. 2018. In *Sprawozdania archeologiczne* (70), 47–66.

Manzura, I. 2005. In *Oxford Journal of Archaeology*. 24 (4), 313–338.

Vanhaeren, M., d'Errico, F. 2003. In *PALEO. Revue d'archéologie préhistorique*. (15), 195–238.

Todorova, H. (ed.). 2002. *Die prähistorischen Gräberfelder (Durankulak II; 2 volumes)*. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut.

About the Author:

Skorobogatov Andrei M. Candidate of Historical Sciences, SPC “Voronezh Archaeological Society”. Pilot Kolesnichenko Street, 23, Voronezh, 394052, Russian Federation; a.m.skorobogatov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.